

- Роберт ГОВАРД

- 1
 - 2
 - 3
 - 4
-

Роберт ГОВАРД

ТЕНИ В ЛУННОМ СВЕТЕ

Гордость Конана не позволила бы ему быть «мистером королевой» при любой женщинае, какой бы она ни была прекрасной и пылкой. Через некоторое время Конан ускользает, чтобы снова посетить родные земли Киммерии и отомстить своим старым врагам, гиперборейцам.

Конану почти тридцать. Его кровные братья среди киммерийцев и асов завоевали жен и породили сыновей, среди которых уже есть такие же взрослые и почти такие же сильные, каким был Конан, когда впервые пустился в приключения в крысиных трущобах Заморы. Но его опыт в качестве корсара и наемника укрепил в нем дух битвы и слишком сильно впитался в его кровь, чтобы он мог последовать их примеру. Когда торговцы приносят весть о новых войнах на Юге, Конан отправляется обратно в гиборейские королевства.

Мятежный принц Коша сражается, чтобы свергнуть Страбонуса, скупого короля этой занимающей обширные земли нации, и Конан оказывается среди своих старых приятелей в армии принца. К несчастью, принц примиряется с королем, и его наемные силы остаются без дела. Наемники, и среди них Конан, образуют незаконную банду Свободных Товарищей, которая совершает набеги на границы Коша, Заморы и Турана равно беспристрастно. В конце концов они смещаются в степи к западу от Моря Вилайет, где присоединяются к банде головорезов, известной как «козаки».

Конан вскоре завоевывает лидерство в этой беззаконной команде и опустошает западные границы Туранской империи, пока его старый работодатель, король Йилдиз, не решает основательно наказать разбойников. Силы под началом Шах Амураса

заманивают «козаков» глубоко на территорию Турана и вырезают их в кровавой битве у реки Иллбар.

1

Стремительный бросок лошадей сквозь высокий тростник; тяжелый удар падения, отчаянный вопль. С умирающей лошади, шатаясь, поднялся всадник — стройная девушка в сандалиях и подпоясанной тунике. Ее темные волосы падали на белые плечи; глаза были глазами пойманного в ловушку зверя. Она не смотрела ни на заросли тростника, окружающие небольшой открытый участок, ни на синие воды, что плескались о низкий берег позади нее. Взгляд ее широко открытых глаз был с пристальностью смертного часа устремлен на всадника, который пробился через стену тростника и спешился перед девушкой.

Это был высокий мужчина, худощавый, но крепкий как сталь. С головы до ног он был одет в легкую посеребренную кольчугу, которая облегала его гибкую фигуру, как перчатка. Из под куполообразного шлема, гравированного золотом, его карие глаза насмешливо рассматривали ее.

— Отойди! — ее голос звенел ужасом. — Не прикасайся ко мне, Шах Амурас, не то я брошусь в воду и утону!

Он рассмеялся, и его смех был подобен мурлыканью меча, выскальзывающего из щелковых ножен.

— О нет, ты не утонешь, Оливия, дочь недоразумения, поскольку здесь слишком мелко, и я успею схватить тебя прежде, чем ты доберешься до глубокого места. Боги видят, это было славно — поохотиться за тобой, и все мои люди остались далеко позади. Но к западу от Вилайета нет лошади, которая смогла бы долго обгонять Ирема. — Он кивнул в сторону высокого тонконогого степного скакуна.

— Отпусти меня! — взмолилась девушка. Слезы отчаяния катились по ее щекам. — Разве я мало страдала? Есть ли еще какое-нибудь унижение, страдание, боль, которым ты меня не подвергал? Как долго должны длиться мои мучения?

— Так долго, пока мне доставляют удовольствие твои слезы, мольбы, хныканье и то, как ты корчишься, — ответил он с улыбкой, которая постороннему могла показаться милой. — Ты удивительно мужественна, Оливия. Мне интересно знать, надоешь ли ты мне когда-нибудь, как надоедали все женщины до тебя. Ты всегда столь свежа и незапятнанна, что бы я с тобой ни делал. Каждый новый день с тобой приносит новую радость.

Иди сюда, нам пора возвращаться в Акиф, где народ продолжает

праздновать победу над жалкими козаками — тогда как их победитель занят поимкой бежавшей негодницы. Великолепный и совершенно идиотский побег!

— Нет! — Она отшатнулась и повернулась к воде, плещущей меж тростника.

— Да! — Его вспышка неприкрытоя ярости была как искра, высеченная из огнива. С быстротой, на которую неспособно было ее нежное тело, он схватил ее за запястье и выворачивал ей руку — жестокость ради жестокости — пока девушка не упала на колени, крича от боли.

— Дрянь! Тебя нужно бы отвезти назад в Акиф, привязав к хвосту моего коня, но я милосерден, и ты поедешь на луке моего седла. Благодари меня смиренно за эту милость, ты...

Он отпустил ее, выругавшись от неожиданности, и отпрыгнул в сторону, просвистев саблей в воздухе, когда из зарослей тростника выскочило ужасное создание с нечленораздельным воплем ненависти.

Оливия, лежа на земле, увидела нечто, что она приняла за дикаря или безумца, который набросился на Шах Амураса с видом смертельной угрозы. Дикарь был мощного телосложения, обнаженный, если не считать набедренной повязки с поясом, запачканной кровью и высохшей болотной грязью. Его черные волосы слиплись от крови и тины, высохшие струйки крови были на его теле, и длинный прямой меч, который он держал в правой руке, тоже был покрыт запекшейся кровью. Из-под беспорядочно спадавших на лоб волос налитые кровью глаза сверкали синим огнем.

— Гирканский пес! — процедил сквозь зубы дикарь с варварским акцентом. — Дьяволы возмездия привели тебя сюда!

— Козак! — отпрянув, воскликнул Шах Амурас. — Я не знал, что кому-то из вас, собак, удалось сбежать! Я думал, что все вы лежите мертвыми в степи у реки Иллбар.

— Все, кроме меня, будь ты проклят! — крикнул тот. — О, как я мечтал об этой встрече, когда полз на брюхе через заросли колючек, когда лежал под камнями, а муравьи жрали мое тело, когда полз, захлебываясь в болотной грязи — как я мечтал о ней, но никогда не думал, что она состоится! О боги Ада, как я ждал этой минуты!

Кровожадную радость незнакомца было трудно вынести. Его челюсти судорожно сжались, на почерневших губах выступила пена.

— Прочь от меня! — приказал Шах Амурас, следя за ним сузившимися глазами.

— Ха! — Это было рычанием дикого волка. — Шах Амурас, великий

лорд Акифа! Будь ты проклят, как рад я тебя видеть — тебя, который скормил стервятникам моих товарищай, который разрывал их, привязывая к диким лошадям, который ослеплял их, увечил и калечил. Ах ты пес, грязный пес! — Его голос перешел в безумный вопль, и он бросился на Шах Амураса.

Несмотря на его жуткий вид, Оливия ждала, что он упадет при первом же скрещении мечей. Безумец или дикарь, что мог он сделать, нагой, против одетого в кольчугу повелителя Акифа?

Было мгновение, когда лезвия молниеносно блеснули, словно бы едва коснулись друг друга и тотчас разлетелись. Затем меч мелькнул быстрее сабли и со страшной силой опустился на плечо Шах Амураса. Оливия закричала при виде ярости этого удара. Она явственно различила вместе со звоном кольчуги хруст ломающихся костей. Гирканец отшатнулся, лицо его мгновенно покрыла пепельная бледность, из-под кольчуги текла кровь. Сабля выпала у него из руки.

— Пощады, — хрипело прошептал он.

— Пощады? — Голос незнакомца дрожал от бешенства. — Такой пощады, как ты оказал нам, свинья?!

Оливия закрыла глаза. Это была уже не битва, а кровавая бойня, безумная и яростная, вдохновляемая ненавистью и бешенством, в которой разрешились страдания битвы, массовых убийств, пыток и страшного преследования. Хотя Оливия знала, что Шах Амурас не заслуживает сострадания и жалости ни от одного живого существа, она закрыла глаза и зажала руками уши. Она не могла видеть этот поднимающийся и опускающийся меч, с которого капала кровь, не могла слышать чавкающий звук, с которым он кромсал тело поверженного врага, и захлебывающиеся крики, которые становились все тише и наконец прекратились.

Оливия открыла глаза. Незнакомец отвернулся от окровавленной изуродованной фигуры, которая лишь отдаленно напоминала человека. Грудь победителя вздымалась от усталости или волнения, лоб был покрыт испариной, правая рука забрызгана кровью.

Он не заговорил с ней, даже не глянул в ее сторону. Оливия смотрела, как он направился сквозь тростник к воде, нагнулся и за что-то потянул. Выплыла лодка, которая была укрыта среди зарослей. В этот момент девушка догадалась, что намерен делать незнакомец, и эта догадка побудила ее действовать.

— Подожди! — взмолилась она, вскочила на ноги и, пошатываясь, побежала за ним. — Не оставляй меня! Возьми с собой!

Он обернулся и уставился на нее. Теперь он выглядел по-другому. Его

воспаленные глаза не были безумными. Как будто кровь, которую он только что пролил, потушила огонь его бешенства.

— Кто ты такая? — требовательно спросил он.

— Меня зовут Оливия. Я была его пленницей. Я убежала. Он преследовал меня. Поэтому он и оказался здесь. О, не оставляй меня! Его воины неподалеку. Они найдут его тело, найдут меня рядом с ним... О!

Девушка застонала от ужаса и заломила белые руки. Он в замешательстве уставился на нее.

— Ты действительно хочешь отправиться со мной? — сурово спросил он. — Ведь я варвар, и я вижу, что ты боишься меня.

— Да, я тебя боюсь, — ответила она. Она была слишком потрясена всем происшедшем, чтобы скрывать свои чувства. — Я не могу сдержать дрожи при виде тебя. Но гирканцев я боюсь больше! О, позволь мне отправиться с тобой! Они подвергнут меня пыткам, если найдут рядом с телом своего мертвого повелителя!

— Что ж, садись.

Он посторонился, и она быстро шагнула в лодку, стараясь не коснуться варвара. Она уселась на носу лодки. Варвар ступил в лодку, оттолкнулся от берега веслом и, используя его как шест, принял с трудом прокладывать дорогу среди высоких стеблей тростника. Наконец они выбрались на чистую воду. Тогда он взялся работать обоими веслами, делая ровные, сильные, уверенные гребки. Мощные мускулы его торса, плеч и рук напрягались в такт усилиям.

Некоторое время они молчали. Девушка скорчилась на носу лодки, мужчина работал веслами. Она наблюдала за ним с боязливым любопытством. Очевидно было, что он не гирканец, и он не был похож на представителя какой-либо из гибреийских рас. В нем была твердость волка, которая отличает варваров. Его черты лица, принимая в расчет шрамы битв, грязь и кровь последних событий, отражали такую же неукрощенную дикость. Но в них не было тупой злобы или извращенной жестокости.

— Кто ты? — спросила девушка. — Шах Амурас назвал тебя козаком. Ты был в этой банде?

— Я Конан из Киммерии, — буркнул он. — Я был с козаками, как нас называли гирканские псы.

Она имела смутное представление о том, что названная им страна лежит далеко на северо-западе, намного дальше самых далеких государств ее расы.

— Я дочь короля Офира, — сказала она. — Мой отец продал меня

повелителю шемитов, потому что я отказывалась выйти замуж за принца Коса.

Киммериец удивленно хмыкнул. Губы девушки искривились в горькой усмешке.

— О да, цивилизованные люди иногда продают своих детей дикарям в рабство. И при этом они называют твой народ варварским, Конан Киммериец.

— Мы не продаем своих детей, — проворчал он, свирепо выпятив подбородок.

— Ну вот, я была продана. Но пустынный вождь нашел мне самое лучшее применение. Он хотел купить благосклонность Шах Амураса, и я была в числе даров, которые он привез в Акиф, город пурпурных садов. Потом... — Она вздрогнула и спрятала лицо в ладонях.

— Я должна была бы давно разучиться испытывать стыд, — сказала она наконец. — Но каждое воспоминание для меня — словно удар плетью для раба. Я пребывала во дворце Шах Амураса, пока несколько недель назад он со своим войском не отправился сражаться с бандой чужаков, которые разбойничали на границах Турана. Вчера он вернулся с победой, и в честь его начался огромный праздник. В суматохе, когда все перепились, я нашла возможность бежать из города на украденной лошади. Я думала, что побег мне удастся, но Шах Амурас бросился в погоню за мной. Я опередила его воинов, но от него бежать не смогла. Он настиг меня. И тут появился ты.

— Я лежал и прятался в тростнике, — проворчал варвар. — Я был одним из тех отчаянных парней, Свободных Товарищей, которые жгли и грабили на границах. Нас было пять тысяч, из двух десятков разных народов и племен. Большинство из нас служило наемниками мятеjnому принцу Коса, и когда он примирился со своим проклятым сюзереном, мы остались без дела. Мы и начали хоронить в приграничных землях Коса, Заморы и Турана. Мы не делали между ними разницы. Неделю назад Шах Амурас поймал нас в ловушку на берегу Иллбара. С ним было пятнадцать тысяч человек. Митра! Небо было черным от стервятников. Когда наши цепи сломались, после целого дня битвы, некоторые пытались прорваться на север, другие на запад. Сомневаюсь, чтобы кому-то удалось бежать. Степь была полна всадников, которые преследовали беглецов. Я вырвался на восток и долго пробирался по болотам, которые окружают эту часть моря Вилайет.

С тех пор я скрывался в болотах. Только позавчера гирканца прекратили прочесывать тростники в поисках беглецов вроде меня. Я

закопался в грязь, как змея, питаясь мускусными крысами, которых ловил и ел сырыми, потому что не мог развести костер. Сегодня утром я нашел эту лодку, спрятанную в тростнике. Я собирался отправиться в море не раньше ночи, но но после того, как я убил Шах Амураса, его псы в кольчугах наверняка быстро возьмут след.

— И что теперь?

— Нас наверняка будут преследовать. Если они не найдут следов, оставленных лодкой, которые я скрыл, насколько мог, они все равно догадаются, что мы направились в море, когда не найдут нас в болотах. Но у нас есть преимущество во времени, и я собираюсь налегать на весла, пока мы не окажемся в безопасном месте.

— Где мы найдем такое место? — безнадежно спросила она. — Вилайет принадлежит гирканцам.

— Кое-кто так не считает, — угрюмо усмехнулся Конан. — А именно: рабы, которые сбежали с галер и стали пиратами.

— Но что ты намерен предпринять?

— Юго-западный берег на сотни миль держат в своих руках гирканцы. Чтобы пересечь северные границы их владений, нам тоже предстоит проделать долгий путь. Я собираюсь двигаться на север, пока не решу, что мы их пересекли. Тогда мы повернем на запад и постараемся высадиться там, где степь необитаема.

— Что, если мы встретимся с пиратами или попадем в шторм? — спросила она. — А в степи мы просто умрем от голода.

— Я не просил тебя отправляться со мной, — напомнил он.

— Прости, — она склонила темноволосую голову. — Пираты, штормы, голодная смерть — все они милосерднее людей Турана.

— Да, — его темное лицо посувровело. — Я с ними еще не рассчитался. Успокойся, девочка. Штормы на Вилайет в это время года бывают редко. Если мы доберемся до степей, от голода не умрем. Я вырос на голой земле. Это проклятые болота, с их вонью и жалящими мухами, чуть не лишили меня силы духа. В горах я тоже дома. Что касается пиратов...

Он уклончиво усмехнулся и сильней налег на весла.

Солнце упало, как тускло блестящий медный шар в озеро огня. Синева моря слилась с синевой неба, и обе превратились в мягкий темный бархат, усыпанный звездами и отражениями звезд. Оливия прилегла на носу мягко покачивающейся лодки, в состоянии полудремы, когда все кажется нереальным. Ей казалось, что она плывет по воздуху: звезды внизу, звезды вверху. Ее молчаливый спутник рисовался темным силуэтом на фоне более

мягкой темноты. Весла поднимались и опускались ритмически и непрерывно. Этот человек мог бы быть легендарным перевозчиком, везущим ее через темное озеро Смерти. Но у нее уже не было сил бояться. Убаюканная монотонностью движения, она погрузилась в спокойный сон.

Оливия проснулась с рассветом, чувствуя ужасный голод. Девушку разбудило изменение движения лодки. Конан отдыхал на веслах, смотря куда-то вдаль поверх нее. Она догадалась, что он греб всю ночь без передышки, и восхитилась его железной выносливостью. Она повернулась, чтобы проследить за направлением его взгляда, и увидела зеленую стену деревьев и кустарника, поднимающуюся от самого края воды и замыкающую небольшую бухточку, воды которой были неподвижны, как синее стекло.

— Один из многих островов, которых много в этом внутреннем море, — сказал Конан. — Считается, что они необитаемы. Я слышал, что гирканцы редко их навещают. Они в своих галерах обычно держатся поближе к берегу, а мы отплыли далеко. Мы еще до заката потеряли из вида берег.

Несколько ударами весел он подогнал лодку к берегу острова и привязал веревку к выступающему корню дерева, растущего у самой воды. Ступив на берег, он протянул руку помочь Оливии. Оливия приняла протянутую руку, слегка вздрогнув, потому что рука была запачкана кровью. Прикоснувшись, она ощутила тень той буйной жизненной силы, которой дышало все тело варвара.

Сонное спокойствие сковывало лес, который окаймлял синюю бухту. Где-то далеко за деревьями птица запела свою утреннюю песню. Бриз шелестел листвой и заставлял листья перешептываться. Оливия поймала себя на том, что внимательно прислушивается, сама не зная к чему. Что может таиться в этом безымянном лесу?

Пока она робко всматривалась в тени среди деревьев, что-то с громким хлопаньем крыльев выпорхнуло на свет: огромный попугай. Он уселся на ветку и закачался на ней — блестящий, нефритово-зеленый и кроваво-красный. Попугай склонил набок увенчанную хохолком голову и посмотрел на пришельцев блестящими агатовыми глазами.

— Кром! — пробормотал киммериец. — Вот дедушка всех попугаев. Ему, должно быть, тысяча лет. Посмотри, какая злая мудрость в его глазах. Какие тайны ты стережешь, Мудрый Дьявол?

Птица неожиданно расправила яркие крылья и, взмыв со своего насеста, хрюкло прокричала: «Йахкулан йок тха, ксуххалла!» С диким

пронзительным хохотом, который прозвучал пугающе по-человечески, попугай полетел прочь, в лес, и скрылся в мерцающих сумерках.

Оливия смотрела ему вслед, не в силах отвести взгляд, чувствуя как холодная рука непонятного предчувствия дотронулась до ее спины.

— Что он сказал? — шепнула она.

— Могу поклясться, это были слова человеческого языка, — ответил Конан. — Но какого именно, я не знаю.

— И я не знаю, — отозвалась девушка. — Но он, должно быть, научился им от человека. Человека или... — она засмотрелась в глубину леса и слегка задрожала, сама не зная, почему.

— Кром, до чего я голоден! — буркнул киммериец. — Я бы съел целого быка. Поищем фруктов. Но сначала я смою с себя всю эту грязь и кровь. Прятаться в болотах — грязное занятие.

С этими словами он отложил меч и, зайдя по плечи в синюю воду, принялся совершать омовение. Когда он снова показался из воды, его бронзовое тело сверкало, блестящие черные волосы больше не были слипшимися. Синие глаза, хоть и горели неугасимым огнем, больше не были налитыми кровью и мрачными. Но тигриная ловкость тела и угроза, сквозящая в его облике, не изменились.

Он поднял меч и махнул девушке рукой, чтобы она шла за ним. Они покинули берег, нырнув под арки огромных ветвей. Землю покрывал зеленый ковер травы, который пружинил под их шагами. Между стволами деревьев открывался прекрасный вид.

Через некоторое время Конан заворчал от удовольствия при виде золотых и красновато-коричневых шаров, висящих по нескольку штук рядом среди листвы. Сделав знак девушке, чтобы она села на ствол упавшего дерева, он набросал ей в подол экзотических фруктов, а затем и сам принялся за еду с нескрываемым аппетитом.

— Иштар! — воскликнул он, прервавшись на мгновение. — От самого Иллбара я питался крысами и корнями, которые выкапывал из вонючей грязи. Эти фрукты великолепны, хотя и не слишком питательны. Но если мы съедим достаточно, то наедимся.

Оливия была слишком занята, чтобы ответить. Как только киммериец утолил острый голод, он начал посматривать на свою красивую спутницу с большим интересом, чем до сих пор. Он обратил внимание на ее великолепные темные волосы, на персиковый оттенок ее нежной кожи и округлые очертания ее гибкой фигуры, которые во всей их прелести открывала взору короткая шелковая туника.

Завершив трапезу, объект его пристального внимания взглянул вверх.

Встретив жгучий взгляд его прищуренных глаз, девушка вспыхнула ярким румянцем, и выронила остатки фруктов.

Без лишних слов Конан жестом указал, что им нужно продолжить исследование острова. Оливия встала и последовала за ним. Они вышли на большую поляну, по другую сторону которой деревья сплелись в непроходимую чащу. Как только они выбрались на поляну, в чаще послышался шум и треск. Конан, отпрыгнув в сторону и увлекая девушку за собой, едва успел спасти их от чего-то, что пролетело в воздухе и ударилось о ствол дерева со страшной силой.

Выхватив меч, Конан пересек поляну и бросился в чащу. Ничто больше не нарушало тишину. Оливия скорчилась на траве, перепуганная и не знающая, что предпринять. Наконец Конан появился, с озадаченной и хмурой миной на лице.

— В чаще ничего нет, — буркнул он. — Но там было что-то...

Он изучил снаряд, который едва не попал в них, и недоверчиво хмыкнул, как будто не мог согласиться с тем, что видел собственными глазами. Это был огромный куб из зеленоватого камня. Он лежал на траве под деревом, ствол которого он сильно повредил при ударе.

— Странный камень для необитаемого острова, — проворчал Конан.

Прекрасные глаза Оливии расширились от изумления. Камень представлял собой правильный куб, несомненно высеченный и обработанный руками человека. Он был удивительно тяжел. Киммериец поднял его обеими руками, уперся ногами в землю, поднял камень над головой, от чего на его руках напряглись и рельефно выступили мускулы, и бросил его изо всех сил как можно дальше от себя. Камень упал в нескольких футах от него. Конан выругался.

— Ни один человек в мире не сможет перебросить этот камень через поляну. Это под силу только осадному орудию. Но здесь нет ни катапульт, ни баллист.

— Может, он был брошен из такого орудия издалека, — предположила девушка.

Конан покачал головой.

— Камень упал не сверху. Он прилетел вон из той чащи. Взгляни на сломанные ветки. Кто-то бросил его, как человек может бросить гальку. Но кто? Или что? Пойдем!

Она неохотно последовала за ним в чащу. Внутри внешнего кольца густого кустарника подлесок был не таким густым. Здесь царила полнейшая тишина. На упругой траве не было ничьих следов. И все же именно из этой таинственной чащи прилетел камень, стремительный и

смертоносный. Конан пригнулся ближе к траве и покачал головой. Даже его опытным глазам она ничего не говорила о том, кто или что стояло или бежало здесь. Он перевел взгляд на зеленую крышу у них над головами — прочный потолок из густой листвы и сплетенных ветвей. И замер на месте, как громом пораженный.

Очнувшись, с мечом в руке, он стал пробираться назад, увлекая Оливию за собой.

— Прочь отсюда, быстро! — приказал он шепотом, от которого у девушки кровь застыла в жилах.

— Что там? Что ты увидел?

— Ничего, — сдержанно ответил он, не прекращая их осторожного отступления.

— Но что же там? Что прячется в этой чащے?

— Смерть, — ответил он, не сводя взгляда с распластившихся над ними нефритовых арок, что закрывали небо.

Как только они выбрались из чащи, он взял девушку за руку и быстро повел ее между деревьями, пока они не выбрались на поросший густой травой склон, на котором деревья росли редко. По склону они выбрались на низкое плато, где трава была выше, а деревья встречались лишь изредка. Посредине плато возвышалась длинная широкая постройка из полуразрушенного зеленоватого камня.

Они изумленно взирали на представшее перед ними зрелище. Никакие легенды не говорили о том, что на каком-либо острове моря Вилайет существует нечто подобное. Конан и девушка осторожно приблизились к постройке. Мх и лишайники покрывали каменные стены, обвалившийся потолок смотрел в небо пустым провалом. Вокруг было еще много остатков каменных стен, полускрытых травой. Похоже было, что когда-то здесь возвышалось много строений. Быть может, целый город. Но теперь только длинная постройка, что-то вроде зала, поднималась к небу, и ее покосившиеся стены были обвиты лианами.

Какие бы двери прежде не стерегли вход в здание, они давно сгнили и обратились в прах. Конан и его спутница остановились в широком дверном проеме и заглянули внутрь. Солнечный свет струился сквозь дыры в крыше и стенах, превращая внутренность постройки в неясное переплетение света и тени. Крепко сжав в руке меч, Конан шагнул внутрь мягкой неслышной походкой охотящейся пантеры, чуть наклонив голову. Оливия на цыпочках последовала за ним.

Оказавшись внутри, Конан удивленно хмыкнул, а Оливия едва сдержала громкий крик.

— Смотри! Смотри же!

— Вижу, — ответил он. — Нечего бояться, это статуи.

— Но какими живыми они выглядят — и какими злыми! — шепнула она, придвигаясь поближе к нему.

Конан и девушка стояли посреди огромного зала, пол которого, сделанный из полированного камня, был покрыт пылью и каменными обломками, упавшими с крыши. Лианы, выросшие между камнями, скрывали отверстия. Высокая крыша, совершенно плоская, поддерживалась толстыми колоннами, которые тянулись рядами вдоль стен. И в каждом промежутке между колоннами стояла странная фигура.

Это были статуи, с виду железные, черные и сверкающие так, словно их постоянно полировали. Они были натуральных размеров и представляли высоких, гибких и сильных мужчин, чьи жестокие лица имели ястребиные черты. Статуи были нагими, и каждая впадина и выпуклость, все суставы и мышцы были воспроизведены с невероятным реализмом. Но самым потрясающим подобием жизни были их гордые и нетерпимые лица. Их черты не были сделаны по одному образцу. Каждое лицо обладало индивидуальными особенностями, хотя в них и было сходство людей одной нации. В статуях, или по крайней мере в их лицах, не было ничего от монотонного однообразия декоративного искусства.

— Кажется, будто они слушают — и ждут! — шепнула девушка, поеживаясь.

Конан постучал рукоятью меча по одной из статуй.

— Железо, — заявил он. — Но, Кром! — в каких формах их отливали?

Он озадаченно покачал головой и пожал могучими плечами.

Оливия робко осмотрелась. В огромном зале было тихо. Ее взгляду предстали только обвитые плющом стены и колонны, да темные фигуры в промежутках между колоннами. Ей стало неуютно, захотелось уйти отсюда, однако статуи, похоже, имели странную привлекательность для ее спутника. Он осмотрел их в подробностях и, как истинный варвар, попытался отломать кусок. Но материал, из которого они были сделаны, успешно противостоял его попыткам. Ему не удалось ни повредить статую, ни сдвинуть какую-нибудь с места. Наконец он сдался, бормоча ругательства в изумлении.

— Что за люди послужили для них образцом? — задал он риторический вопрос. — Статуи черные, но не похожи на негров. Я никогда не видел людей, похожих на них.

— Давай выберемся на свет, — попросила Оливия, и Конан кивнул, бросив последний озадаченный взгляд на темные фигуры вдоль стен.

Они выбрались из пыльного зала на яркий свет летнего солнца. Оливия удивилась положению солнца на небе; они пробыли в руинах гораздо дольше, чем она предполагала.

— Давай вернемся в лодку, — предложила она. — Я боюсь этого места. Здесь странно, и здесь присутствует зло. Мы не знаем, когда на нас снова может напасть то, что швырнуло камень.

— Я думаю, мы в безопасности, пока мы не под деревьями, — ответил он.

— Пойдем-ка.

Плато, склоны которого спускались в лес на востоке, юге и западе, на севере повышалось и переходило в путаницу скалистых утесов, которая была самой высокой точкой острова. Туда и направился Конан, соразмеряя свой размашистый шаг с походкой спутницы. Время от времени он бросал на нее беглый взгляд, и она это чувствовала.

Они добрались до северной оконечности плато и остановились там, глядя на крутизну высоких утесов. По краю плато к востоку и западу от утесов густо росли деревья, цепляясь за обрывистый склон. Конан подозрительно посмотрел на эти деревья, но начал подъем, помогая спутнице взбираться. Скалы не были отвесными, и были изрезаны уступами. Киммериец, рожденный в горной стране, мог бы взбежать по ним вверх, как кошка, но Оливия поднималась с трудом. Снова и снова она чувствовала, как ее поднимают, перенося через препятствие, которое она могла бы преодолеть лишь с большим трудом, и ее изумление невероятной физической силе этого человека все возрастало. Его прикосновения больше не казались ей отталкивающими. Его железная хватка обещала защиту.

Наконец они выбрались на самую вершину. Их волосы развевал морской ветер. От их ног скалы отвесно обрывались вниз на три-четыре сотни футов. Под обрывом лежала узкая полоса прибрежного леса. Посмотрев на юг, они увидели весь остров, который лежал как огромное овальное зеркало. Скошенные склоны от края плато уходили вниз и тонули в ободке зелени, за исключением того места, где устремлялись вверх утесы. Насколько хватало глаз, вокруг простирались синие воды, стеклянно-гладкие, исчезающие в туманной дымке расстояния.

— Море спокойно, — вздохнула Оливия. — Почему нам не продолжить путь?

Конан, замерший на утесе подобно бронзовой статуе, указал на север. Оливия увидела белое пятнышко, котороеказалось подвешенным в дымке.

— Что это?

— Парус.

— Гирканцы?

— Кто может сказать на таком расстоянии?

— Они бросят здесь якорь и обыщут остров в поисках нас! — вскричала она, поддавшись мгновенной панике.

— Не думаю. Они плывут с севера, значит, они не могут нас искать. Они могут остановиться здесь по какой-либо иной причине. В этом случае нам придется прятаться, как только сможем. Но мне кажется, что это либо пираты, либо гирканская галера возвращается из северного набега. В последнем случае они вряд ли бросят здесь якорь. Но мы не можем выйти в море, пока они не скроются из вида, потому что они плывут с той стороны, куда нам плыть. Они, без сомнения, минуют остров сегодня ночью, и на рассвете мы сможем продолжить наш путь.

— Значит, нам придется провести ночь здесь? — Девушка задрожала.

— Это безопаснее всего.

— Тогда давай спать здесь, на скалах, — взмолилась она.

Конан покачал головой, глядя на скрюченные деревья на склонах плато, на раскинувшийся внизу лес — зеленая масса, что, казалось, вытягивала щупальца, пытаясь уцепиться за скалы.

— Слишком много деревьев. Мы будем спать в развалинах.

Оливия издала возглас протesta.

— Ничто тебе там не грозит, — успокаивающе произнес он. — Что бы ни бросило в нас камнем, оно не последовало за нами из леса. В руинах нет никаких следов того, что там гнездится какая-нибудь дикая тварь. У тебя нежная кожа, ты привыкла спать в уюте. Я могу спать голым на снегу, и мне это не причинит неудобств, но у тебя будут судороги от росы, если мы будем ночевать снаружи.

Оливия молча согласилась, не находя больше возражений. Они спустились со скал, пересекли плато и снова приблизились к мрачным, окутанным тайной древности руинам. К этому времени солнце опустилось за край плато. Они нашли фрукты на деревьях около утесов. Фрукты послужили им ужином — едой и питьем одновременно.

Южная ночь опустилась быстро, рассыпав по темно-синему небу большие белые звезды. Конан вошел в темные развалины, увлекая за собой Оливию, которая шла нехотя. Она задрожала при виде темных фигур в нишах между колонн. В темноте, которую едва рассеивал слабый свет звезд, она не могла различить их очертания, только чувствовала ожидание, скрытое в них. Они ждали, как ждали в течение неведомого числа столетий.

Кона принес полную охапку тонких веток с листьями. Он сложил их в кучу, устраивая ложе для Оливии, и она легла на ветки со странным ощущением человека, который устраивается спать в змеином гнезде.

Каковы бы ни были ее предчувствия, Конан их не разделял. Киммериец сел рядом с ней, прислонившись спиной к колонне, положив на колени меч. Его глаза сверкали в темноте, как у пантеры.

— Спи, девочка, — сказал он. — Мой сон чуток, как сон волка. Ничто не проникнет в этот зал, не разбудив меня.

Оливия не ответила. Лежа на своей постели из веток они смотрела на неподвижную фигуру, слабо различимую в мягкой тьме. Как странно — завязать дружбу с варваром! О ней заботится и защищает ее человек той расы, сказками о которой ее пугали в детстве. Он вырос среди людей угрюмых, свирепых и кровожадных. Его дикость проглядывала в каждом его движении, горела в его глазах. И все же он не причинил ей вреда. А хуже всего обращался с ней человек, которого мир называл цивилизованным. Когда ее усталое тело расслабилось в дремотной неге, и она погрузилась в туманные образы сновидений, ее последней мыслью было волнующее воспоминание прикосновения сильных пальцев Конана к ее нежной коже.

2

Оливия спала, и во сне ее преследовало ощущение скрытого зла, словно образ черной змеи, тайно ползущей среди цветов. Ее сны были обрывочными и яркими — экзотические картинки, разбросанные части незнакомого узора, которые в конце концов сложились в картину, исполненную ужаса и безумия, фоном которой служили циклопические камни и колонны.

Она увидела огромный зал. Его высокий потолок поддерживался каменными колоннами, которые выстроились ровными рядами вдоль массивных стен. Между колонн летали огромные зеленые с алым попугай. Зал был полон темнокожих воинов с ястребиными лицами. Они не были неграми. Ни их внешность, ни одежды, ни оружие не походили ни на что, известное в мире, в котором жила спящая.

Воины напирали на человека, привязанного к колонне. То был гибкий белокожий юноша, золотые кудри которого спадали на лоб, белизной подобный алебастру. Его красота была не вполне человеческой. Он был словно воспоминание о боге, высеченное из белого мрамора.

Чернокожие воины смеялись над ним, выкрикивали что-то на незнакомом языке. Гибкое обнаженное тело корчилось под их безжалостными руками. Кровь стекала по бедрам цвета слоновой кости и капала на полированный пол. Эхо разносило по залу крики жертвы. Затем, подняв лицо к потолку и небесам над ним, юноша ужасным голосом выкрикнул имя. Кинжал в руке цвета черного дерева оборвал его крик, и золотая голова упала на грудь слоновой кости.

Словно в ответ на этот отчаянный крик раздались громовые раскаты, как от колес небесной колесницы, и среди мучителей возникла фигура, будто материализовавшись из ничего, из воздуха. Фигура была человеческой, но ни один смертный человек никогда не обладал столь нечеловеческой красотой. Между ним и юношей, который безжизненно повис на своих цепях, было несомненное сходство. Но человечности, что скрадывала богоподобность юноши, не было в чертах незнакомца, застывших неподвижно и ужасных с своей красоте.

Чернокожие отпрянули от него. Глаза их сверкали бешеным огнем. Он поднял руку и заговорил, и голос его разошелся глубоким, многократным эхом в молчании зала. Словно в трансе, темнокожие воины продолжали отступать, пока не заняли места вдоль стен в равных промежутках друг от

друга. Затем со сжатых губ незнакомца сорвалось чудовищное заклинание и приказ:

— Йахкулан йок тха, ксуххалла!

При звуках страшного крика черные фигуры застыли. Их члены сковала странная неподвижность, они неестественно окаменели. Незнакомец коснулся безвольного тела юноши, и цепи упали. Он поднял мертвое тело на руки. Затем обернулся, его спокойный взор скользнул по безмолвным рядам фигур черного дерева, и он указал на луну, которая заглядывала в зал сквозь оконные переплеты. И они поняли, эти напряженные, застывшие в ожидании статуи, которые были людьми...

Оливия проснулась, как от толчка, на своем ложе из веток. Она вся была в холодном поту. Сердце ее громко стучало в тишине. Она осмотрелась вокруг безумным взглядом. Конан спал, прислонившись к колонне, его голова свесилась на могучую грудь. Серебряное свечение поздней луны пробиралось сквозь дыры в потолке, бросая длинные белые полосы света на пыльный пол. Девушка смутно различала статуи — черные, полные скрытого напряжения, ожидающие. Борясь с истерикой, она увидела, как лунные лучи легко ложатся на колонны и статуи в нишах.

Что это было? Дрожь прошла по статуям, где их коснулся лунный луч. Оцепенение ужаса сковало ее, ибо там, где должна была быть неподвижность смерти, возникло движение: медленное шевеление, странные судороги черных тел. Ужасные крик сорвался с ее губ, когда она сбросила оковы, что держали ее в немой неподвижности. От ее вопля Конан прыжком вскочил на ноги с мечом в руке. Зубы его сверкали в темноте.

— Статуи! Статуи! О, Бог мой, они ожидают!

Со страшным криком она прорвалась сквозь пролом в стене, разрывая своим телом лианы, и бросилась бежать — слепо, безумно, оглашая ночь дикими воплями, — пока твердая рука не схватила ее за плечо. Она визжала и барахталась в обхвативших ее руках, пока знакомый голос не проник сквозь туман владевшего ею ужаса, и она не увидела перед собой озадаченное лицо Конана, освещенное лунным светом.

— Что стряслось, девочка, во имя Крома? Тебе приснился кошмарный сон?

Его голос показался ей незнакомым и далеким. С отчаянным всхлипом она обхватила руками его могучую шею и судорожно прижалась к нему, плача и не в силах отдохнуть.

— Где они? Они гнались за нами?

— Никто за нами не гнался, — ответил он.

Она села, продолжая все так же прижиматься к нему, и со страхом осмотрелась вокруг. Ее слепое бегство привело их к южному краю плато. Прямо под ними начинался склон, подножие которого скрывалось в густой тени леса. Обернувшись, она увидела руины, ярко освещенные высоко поднявшейся луной.

— Ты их не видел? Статуи двигались, поднимали руки, глаза их сверкали во тьме...

— Я ничего не видел, — нахмурившись, ответил варвар. — Я спал крепче, чем обычно, потому что мне уже очень давно не приходилось спать целую ночь. И все-таки не думаю, чтобы кто-то мог войти в зал, не разбудив меня.

— Никто и не входил, — она истерически рассмеялась. — Они уже были там. О, Митра, мы устроились на ночлег посреди них! Овцы забрели спать на бойню!

— О чём ты говоришь? — требовательно спросил он. — Я проснулся от твоего крика, но прежде чем успел осмотреться, ты бросилась наружу через трещину в стене. Я побежал за тобой, чтобы с тобой ничего не случилось. Я решил, что тебе приснился скверный сон.

— Так оно и было! — девушка вздрогнула. — Но реальность оказалась куда страшнее сна. Слушай!

И она рассказала все, что она видела во сне и, как ей казалось, наяву.

Конан слушал очень внимательно. Естественный скептицизм просвещенного человека был ему незнаком. В его мифологии встречались вампиры, гоблины и чернокнижники. Когда она договорила, он некоторое время сидел молча, в задумчивости поигрывая мечом.

— Юноша, которого они пытали, был похож на высокого мужчину, который появился потом? — спросил он наконец.

— Как сын на отца, — ответила она, и нерешительно добавила: — Если можно вообразить плод союза божества со смертным человеком, то это и будет тот юноша. Наши легенды говорят, что в древние времена смертные женщины иногда рождали детей от богов.

— От каких богов? — пробормотал он.

— Эти боги давно забыты, никто не знает их имен. Кто может знать? Они вернулись в спокойные воды озер, в тихие холмы, на берега, что лежат за звездами. Боги столь же непостоянны, как и люди.

— Но если эти статуи — люди, обращенные в железо богом или дьяволом, как могут они оживать?

— Это колдовство луны, — девушка снова задрожала. — Он указал на

луну. Пока на них падает лунный свет, они живут. По-моему, так.

— Но нас никто не преследовал, — пробормотал Конан, бросив взгляд на освещенные луной развалины. — Тебе могло присниться, что они движутся. Я думаю пойти и проверить.

— Нет, нет! — вскричала она, отчаянно схватившись за него. — Быть может, заклинание удерживает их внутри зала. Не возвращайся! Они разорвут тебя на части. О, Конан, давай спустимся в лодку и покинем этот ужасный остров! Гирканский корабль уже наверняка миновал его. Бежим отсюда!

Ее мольбы были столь горячи, что подействовали на Конана. Его любопытство по отношению к статуям уравновешивалось его же суевериями. Он не боялся врагов из плоти и крови, каково бы ни было их превосходство, но намек на сверхъестественность тотчас вызывал к жизни смутные и чудовищные инстинкты страха — наследство варвара.

Он взял девушку за руку. Они спустились по склону и вошли в густой лес, где шептала листва и сонно вскрикивали неизвестные птицы. По деревьями тени сгостились еще плотнее, и Конан шел зигзагами, чтобы избежать самых темных участков. Его взгляд безостановочно бегал по сторонам, и часто устремлялся вверх, на ветки у них над головой. Конан шел быстро, но осторожно. Он так крепко обнял девушку за талию, что она чувствовала, что ее скорее несут, чем ведут. Оба молчали. Единственным звуком был звук быстрых нервных шагов девушки, шорох ее маленьких ног в траве. Так они добрались через лес до воды, которая блестела в лунном свете подобно расплавленному серебру.

— Нам нужно было захватить с собой фруктов, — пробормотал Конан, — но нет сомнений, что мы найдем другие острова. Можно отправляться прямо сейчас. Осталось всего несколько часов до рассвета...

Он не закончил фразу. Веревка, которой была привязана лодка, по-прежнему была обмотана вокруг корня дерева. Но на другом ее конце были только раздавленные и разбитые останки лодки, наполовину скрывшиеся под спокойной поверхностью воды.

У Оливии вырвался сдавленный крик. Конан обернулся лицом к густой тени, где таилась неведомая опасность. Ночные птицы внезапно смолкли. Угрожающая тишина воцарилась в лесу. Ветерок не шевелил ветки, и все же листва по непонятной причине слабо трепетала.

Стремительный, как гигантская кошка, Конан схватил Оливию на руки и побежал. Он промчался сквозь тени, как фантом, а в это время сверху и вокруг них что-то ломилось через листву, и шум все приближался и приближался. Затем им в лицо ударили лунный свет, и Конан взбежал по

склону плато.

На краю он опустил Оливию на землю и обернулся взглянуть на море сумрака, которое они только что покинули. Листва вздрогнула от внезапного порыва ветра. Больше ничего. Конан тряхнул головой с сердитым ворчанием. Оливия жалась к его ногами, как напуганный ребенок. Она посмотрела на него снизу вверх, глаза ее были темными колодцами страха.

— Что нам делать, Конан? — шепнула она.

Он посмотрел на руины и вновь уставился на лес внизу.

— Пойдем на скалы, — объявил он, помогая ей подняться на ноги. — Завтра я сделаю плот, и мы снова вверим нашу судьбу морю.

— Это не... не ОНИ уничтожили лодку? — Ее слова были полу вопросом, полуутверждением.

Конан угрюмо покачал головой, не тряся слов.

Каждый шаг на пути через залитое лунным светом плато был для Оливии нестерпимым ужасом. Но никакие черные фигуры не выбрались украдкой из раскинувшихся развалин, и наконец Конан с девушкой добрались до подножия утесов, которые вздымались над ними в мрачном величии. Здесь Конан остановился в некоторой нерешительности, и наконец выбрал место, защищенное широким выступом, достаточно удаленное от деревьев.

— Ложись и засни, если сможешь, — сказал он. — Я останусь на страже.

Но сон не шел к Оливии, и она лежала без сна, рассматривая руины вдалеке и лес, окружающий плато, пока не стали бледнеть звезды. Восток просветел, и розовый с золотом рассвет зажег огнями росинки на стеблях травы.

Девушка встала, расправив окоченевшее тело. Мысли ее вернулись к тому, что произошло ночью. В свете утра некоторые из ееочных страхов казались плодами чрезмерного воображения. Конан наклонился к ней, и его слова заставили ее снова вздрогнуть.

— Перед самым рассветом я слышал скрип дерева и веревок, хлопанье весел. Корабль бросил якорь у берега недалеко от нас. Может быть, это тот корабль, который мы видели вчера вечером. Давай взберемся на скалы и понаблюдаем за ним.

Они взбрались наверх и, лежа среди валунов, увидели внизу высокую мачту за деревьями на западе.

— Гирканское судно, судя по его оснастке, — пробормотал Конан. — Интересно, команда...

Их слуха достиг отдаленный шум голосов. Добравшись до южного края утесов, они увидели, как пестрая орда выбралась из леса с западу от плато, взобралась по склону наверх и остановилась на открытом месте, споря. Спор проходил бурно: хватались за оружие, потрясали кулаками и громко перебравивались грубыми голосами. Затем весь отряд направился к развалинам. Их путь должен был пройти у самого подножия утесов.

— Пираты! — шепнул Конан с угрюмой ухмылкой. — Они захватили гирканскую галеру. Сюда, спрячься в этих камнях. И не показывайся, пока я тебя не позову, — велел он, замаскировав ее среди валунов, лежащих вдоль гребня скал. — Я пойду навстречу этим псам. Если мой план удастся, все будет хорошо, и мы уплывем отсюда вместе с ними. Если у меня ничего не выйдет — что ж, прячься в скалах до тех пор, пока они не уплывут, потому что все дьяволы этого острова не могут сравниться жестокостью с морскими волками.

Освободившись от ее бессознательной хватки, он быстро скользнул по скалам вниз.

С опаской выглянув из своего укрытия, Оливия увидела, что отряд уже приблизился к подножию утесов. В этот момент Конан вышел из-за валунов и стоял, ожидая их лицом к лицу, с мечом в руке. Они отпрянули с угрожающими и изумленными возгласами. Затем неуверенно остановились и устремили взгляды на эту фигуру, которая так неожиданно возникла среди скал. Их было около семидесяти — дикая орда, состоявшая из людей многих национальностей. Среди них были жители Коса, Заморы, Бритунии, Коринфии, Шема. Их черты отражали дикость их натур. Многие были покрыты шрамами от ударов бичей или заклеймены. Среди пиратов были люди с обрезанными ушами, вырванными ноздрями, пустыми глазницами, обрубками рук — как следами военных сражений, так и результатом действий палача. Большинство были полуголыми, но те предметы одежды, которые они носили, были богатыми: тканые золотом куртки, атласные пояса, шелковые штаны. Одежда их была рваной, запачканной смолой и кровью. С ней соперничали детали посеребренных лат. В ушах и носах пиратов болтались кольца и серьги с драгоценными камнями. Драгоценности сверкали на рукоятях их кинжалов.

Высокий, мускулистый, бронзовотелый киммериец с полным жизненной энергии правильным лицом составлял разительный контраст с этой причудливой толпой.

— Кто ты такой? — заорали они.

— Конан Киммериец! — его голос был подобен громовому рыку льва. — Из Свободного Товарищества. Я хочу испытать свою удачу с

Красным Братством. Кто у вас главный?

— Я, клянусь Иштар! — раздался бычий рев, и вперед важно выступила огромная фигура. Гигант был обнажен до пояса. Его объемистый живот был перехвачен широким кушаком, который поддерживал необъятных размеров шелковые шаровары. Голова его была обрита, не считая чуба. Длинные усы свисали ниже подбородка. На ногах у него были зеленые шемитские туфли с загнутыми вверх носками, а в руке — длинный прямой меч.

Конан мрачно уставился на него.

— Сергиуш из Хроша, клянусь Кромом!

— Да, клянусь Иштар! — проревел гигант. Его маленькие черные глазки горели ненавистью. — Надеешься, что я забыл? Ха! Сергиуш никогда не забывает врагов. Теперь я подвешу тебя вверх пятками и сниму с тебя кожу живьем! Взять его, парни!

— О да, спусти на меня своих псов, большебрюхий, — издевательски произнес Конан с неприятной ухмылкой. — Ты всегда был трусом, косская дворняжка!

— Трусом?! Это ты мне? — широкое лицо почернело от гнева. — Защищайся, северный пес! Я вырежу твоё сердце!

В мгновение ока пираты образовали круг, в середине которого оказались соперники. Глаза их блестели, дыхание неровно вырывалось из глоток, разгоряченных свирепой радостью. Высоко в скалах Оливия наблюдала за происходящим, впиваясь ногтями в ладони от волнения.

Без никаких предварительных формальностей соперники начали бой. Сергиуш ринулся в атаку, быстрый как гигантская кошка, несмотря на свой вес. Сквозь стиснутые зубы у него вырывались проклятия, когда он бешено наносил и отражал удары. Конан дрался молча. Глаза его превратились в щелки, в которых сверкал синий гибельный огонь.

Сергиуш перестал бормотать проклятия, чтобы сберечь дыхание. Единственными звуками были быстрое шарканье ног по земле, сопение пирата, звон и клацанье стали. Мечи мелькали, словно белый огонь, в свете утреннего солнца, вздымаясь и кружка. Они то избегали контакта друг с другом, то на краткий миг соприкасались, издавая металлический лязг и звон. Сергиуш отступал. Только его превосходное владение искусством боя до сих пор спасало его от умопомрачительной скорости, с которой атаковал киммериец. Но вот — громкий удар меча о меч, скрежет скольжения, полузадущенный вскрик... Яростный вопль пиратской орды расколол утро, когда меч Конана пронзил насквозь массивное тело их капитана. Острие меча долю мгновения дрожало между плеч Сергиуша —

полоска белого огня шириной в руку. Затем киммериец выдернул меч, и тело капитана пиратов тяжело упало на землю лицом вниз. Так оно и осталось лежать в луже крови, которая быстро увеличивалась.

Конан обернулся к корсарам, которые тупо таращились на него.

— Вы, псы! — взревел он. — Я отправил вашего вожака в Ад. Что говорит об этом закон Красного Братства?

Раньше, чем кто-либо успел ответить, стоящий позади остальных бритунец с крысиным лицом молниеносно и смертельно раскрутил пращу. Камень устремился в цель прямо, как стрела. Конан пошатнулся и упал, как падает дерево под топором лесоруба. Вверху на скалах Оливия судорожно схватилась за валун. Картина плыла и качалась у нее перед глазами. Она не сводила глаз с киммерийца, неподвижно лежащего на земле. Из раны у него на голове сочилась кровь.

Крысолицый пират радостно завопил и бросился всадить нож в распластертую фигуру. Но тощий коринфиец отшвырнул его прочь.

— Ты что, Арат, собрался нарушить закон Братства, презренный пес?

— Я не нарушаю закона, — ощерился бритунец.

— Не нарушаешь? Ах ты пес! Этот человек, которого ты только что свалил, согласно справедливым правилам — наш капитан!

— Нет! — закричал Арат. — Он не из нашей банды, он чужак. Его не приняли в братство. То, что он убил Сергиуша, еще не делает его капитаном. Это относилось бы только к одному из нас, если бы он убил капитана.

— Но он хотел присоединиться к нам, — возразил коринфиец. — Он заявил об этом.

Его слова вызвали большой шум. Одни стали на сторону Арата, другие на сторону коринфийца, которого называли Иванос. Посыпались проклятия, взаимные обвинения, руки схватились за рукояти мечей.

Наконец над шумом вознесся голос шемита:

— К чему спорить о том, кто мертв?

— Он не мертв, — возразил коринфиец, склонившись над телом Конана. — Он всего лишь оглушен, и уже приходит в себя.

При этих словах шум возобновился. Арат пытался добраться до лежащего. Иванос в конце концов вынул меч и заслонил собой Конана, приготовившись защищать его. Оливия поняла, что коринфиец стал на сторону Конана не ради самого Конана, а чтобы воспротивиться Арату. Похоже было, что эти двое — помощники Сергиуша, и между ними не было дружбы. После дальнейших споров было решено связать Конана и забрать с собой, а о его участии договориться позднее.

Киммериец, который начал постепенно приходить в себя, был связан кожаными поясами. Затем четверо пиратов подняли его и с жалобами и проклятиями потащили с собой. Отряд пиратов возобновил путешествие по плато. Тело Сергиуша оставили лежать там, где оно упало — уродливая фигура, развалившаяся на омытой солнечными лучами земле.

Наверху среди скал Оливия лежала, оглушенная разразившимся несчастьем. Она не могла ни пошевелиться, ни заговорить, могла только лежать там и смотреть остановившимся от ужаса взором, как свирепая орда уносит прочь ее защитника.

Сколько времени она так пролежала, Оливия не знала. Ей было видно, как пираты добрались до руин и вошли внутрь, втачив с собой пленника. Она смотрела, как они появляются и исчезают в дверях постройки и проломах ее стен, ворошат груды каменных обломков и слоняются вокруг стен. Через некоторое время два десятка пиратов снова пересекли плато и исчезли за краем плато в западной стороне, волоча за собой тело Сергиуша — надо полагать, чтобы сбросить его в море. Около руин остальные ломали деревья, готовя костер. Оливия слышала их крики, но на расстоянии не разбирала слов. Слышала она и голоса тех, кто ушел в лес, отдающиеся эхом среди деревьев. Через некоторое время они вернулись с бочонками вина и кожаными мешками, набитыми провизией, злобно чертыхаясь под своей ношей.

Все это Оливия отмечала чисто механически. Ее переутомленный мозг был готов отключиться. Только когда она осталась одна, беззащитная, Оливия поняла, как много значила для нее защита киммерийца. Она смутно удивилась прихотям Судьбы, которая сделала дочь короля спутницей варвара с окровавленными руками. Затем пришло отвращение к людям, считавшимся цивилизованными. Ее отец и Шах Амурас были цивилизованными. И оба доставляли ей только страдания. Она никогда не встречала цивилизованного человека, который обращался бы добр к ней, если за его действиями не просматривались какие-то скрытые мотивы. Конан защищал ее, помогал ей и — до сих пор — ничего не требовал взамен. Уронив голову на руки, Оливия плакала, пока отдаленные крики непристойного пиршества не вернули девушку к ее собственным опасностям.

Она перевела взгляд с темной громады развалин, где мельтешили фантасмагорические фигуры пиратов, крошечные на расстоянии, на сумеречные глубины леса. Даже если ее страхи прошлой ночью в руинах были снами, опасность, что скрывалась в этой зеленой громаде листвы, не была лишь частью кошмара. Был ли Конан убит, или его взяли в плен, ее

единственный выбор лежит между тем, чтобы отдать себя морским волкам и тем, чтобы остаться на этом населенном дьяволами острове.

Когда Оливия полностью осознала весь ужас своего положения, силы оставили ее, и она потеряла сознание.

3

Когда Оливия очнулась, солнце уже висело низко. Слабый ветерок доносил крики пиратов и обрывки непристойной песни. Девушка осторожно поднялась и посмотрела в их сторону. Она увидела, что пираты собирались вокруг огромного костра близ руин. Ее сердце подпрыгнуло, когда из постройки показалась группа, которая тащила какой-то предмет, которым, как она знала, был Конан. Они прислонили его к стене. Как видно, он по-прежнему был крепко связан. Последовал долгий спор с размахиванием руками и хватанием за оружие. Наконец они отволокли его обратно в зал и снова принялись накачиваться элем. Оливия вздохнула. По крайней мере, теперь она знала, что киммериец все еще жив. Новая решимость овладела ей. Как только опустится ночь, она прокрадется в эти мрачные развалины и либо освободит его, либо ее схватят при попытке это сделать. И девушка знала, что в ее решении был не только эгоистический интерес.

С такими мыслями она выбралась из своего убежища, чтобы собрать и поесть орехов. На скалах росло несколько ореховых деревьев. Оливия ничего не ела с прошлого дня. Собирая орехи, она никак не могла отделаться от чувства, что за ней наблюдают. Девушка нервно оглядывалась на скалы, но там никого не было. Внезапно страшное подозрение заставило ее задрожать. Она подобралась к северной оконечности скал и долго смотрела вниз, на колышущуюся зеленую массу листвы. Лес уже скрылся в закатных сумерках. Она ничего не увидела. Не может быть, чтобы за ней следило нечто, таящееся в лесу! Но она явственно ощущала взгляд невидимых глаз и чувствовала, что нечто живое и обладающее сознанием знает о ее присутствии, и ему известно ее укрытие.

Прокравшись обратно в свое убежище среди камней, Оливия лежала, наблюдая за развалинами в отдалении, пока ночная тьма не скрыла их. Теперь их местоположение выдавал только огромный костер, на фоне которого пьяно шарахались темные тени.

Оливия встала. Пришло время попытаться сделать то, что она задумала. Но сначала она прокралась к северной оконечности скал и всмотрелась в лес, окаймляющий плато. Напрягая зрение в слабом свете звезд, она вдруг замерла, и ледяная рука коснулась ее сердца.

Далеко внизу что-то двигалось. Словно бы черная тень отделилась от скопища теней. Нечто медленно продвигалось вверх по отвесному утесу —

неясная фигура, бесформенная в полутьме. Паника схватила Оливию за горло, и девушка едва сдержала крик, что рвался с ее губ. Повернувшись, она бросилась вниз по южному склону.

Бегство по темным скалам было кошмаром, в котором она скользила и карабкалась, хватаясь за острые камни похолодевшими пальцами. Когда Оливия ранила свою нежную кожу и ударялась телом о выступы валунов, через которые Конан вчера перенес ее так легко, она снова осознала свою зависимость от варвара с железными мускулами. Но эта мысль мелькнула и пропала в водовороте страхов и ощущений безумного бегства.

Спуск казался ей бесконечным, но наконец ее ноги коснулись травы. С безумной быстротой отчаяния девушка бросилась бежать к костру, который пыпал как огненное сердце ночи. На бегу она услышала позади грохот камней, сыплющихся с крутого склона, и шум словно придал ей крылья. Девушка не осмеливалась даже задуматься над тем, что за зловещая тварь, взбираясь на скалы, обрушила эти камни.

Необходимость серьезных физических усилий ослабила владевший ею слепой страх, и когда Оливия приблизилась к развалинам, ее мысли были ясными и рассудок настороже, хотя ноги ее подкашивались от перенапряжения.

Девушка опустилась на землю и поползла на животе, пока не добралась до небольшого деревца, которое избежало топоров пиратов. Оттуда она стала наблюдать за врагами. Они уже поужинали, но продолжали пить, зачерпывая оловянными кружками или украшенными драгоценностями кубками из винных бочонков с выбитыми днищами. Некоторые уже заснули здесь же, на траве, и оглашали ночь пьяным храпом. Другие, пошатываясь, побрали внутрь развалин. Конана нигде не было видно. Оливия продолжала лежать на земле. Трава вокруг нее и листья над ее головой покрылись росой. Люди вокруг костра ругались, играли в азартные игры и спорили. Около костра осталось всего несколько человек; остальные ушли спать в руины.

Девушка лежала, наблюдая за ними. Нервы ее были напряжены от ожидания и от мыслей о том, что может в свою очередь наблюдать за ней из темноты — или незаметно подкрадываться к ней. Время тянулось медленно, словно в свинцовых башмаках. Один за другим пьяные погружались в тяжелую дремоту, пока все они не улеглись рядом с догорающим костром.

Оливия некоторое время колебалась. Ее побудило к действию серебристое сияние, поднимающееся из-за деревьев. Вставала луна!

С судорожным вздохом девушка поднялась на ноги и направилась к

руинам. Тело ее покрылось гусиной кожей, когда она шла на цыпочках между пьяных, уснувших перед входом в развалины. Внутри было еще больше пиратов. Они ворочались и бормотали в тяжелом сне, но ни один не проснулся, когда она проскользнула среди них. Всхлип радости сорвался с ее губ, когда она увидела Конана. Киммериец не спал. Он был привязан к колонне стоя. Глаза его блестели, отражая проникающий внутрь постройки свет догорающего костра.

Осторожно обходя спящих, Оливия приблизилась к нему. Как тихо она ни ступала, он услышал ее шаги; увидел ее, когда ее силуэт вырисовался на фоне входа. Едва уловимая ухмылка коснулась его суворых губ.

Оливия добралась до Конана и на мгновение приникла к нему. Он ощущил грудью частое биение ее сердца. Сквозь широкий пролом в стене прокрался лунный луч, и воздух вдруг словно стал заряжен напряжением. Конан ощутил это, и мускулы его непроизвольно напряглись. Оливия тоже ощущала это, и прерывисто вздохнула. Спящие продолжали бормотать и похрапывать. Быстро нагнувшись, Оливия вытащила кинжал из-за пояса его бесчувственного владельца и занялась веревками, опутывающими Конана. Это были морские снасти, толстые и прочные, завязанные морскими узлами. Она отчаянно работала кинжалом, а полоса лунного света медленно подбиралась к подножиям черных фигур в нишах между колоннами.

Дыхание неровно вырывалось из груди Оливии. Запястья Конана были свободны, но локти и ноги оставались крепко привязанными. Девушка бросила быстрый взгляд на статуи вдоль стен: ожидающие. Казалось, они наблюдают за ней с чудовищным терпением, не присущим ни жизни, ни смерти, с терпением, свойственным им одним. Пьяные на полу застонали и заворочались во сне. Лунный свет полз по залу, касаясь подножий черных фигур. Веревки упали с рук Конана. Он забрал у девушки кинжал и разрезал путы на ногах одним сильным и резким взмахом. Конан шагнул вперед, разминая затекшее тело и стоически терпя агонию возобновляющегося кровообращения. Оливия приникла к нему, дрожа как лист. Был ли то обман зрения, или лунный свет действительно зажег глаза статуй зловещим огнем, так что они красновато тлели во тьме, подобно углям костра?

Конан рванулся с места внезапно, как кошка джунглей. Он выхватил свой меч из груды оружия неподалеку, поднял Оливию на руки и выскользнул в пролом заросшей лианами стены.

Они не обменялись ни словом. С девушкой на руках Конан устремился через плато, залитое лунным светом. Оливия обняла его крепкую шею и

склонила темноволосую голову ему на могучее плечо. Ее охватило восхитительное чувство безопасности.

Несмотря на ношу, киммериец быстро пересек плато. Оливия, открыв глаза, увидела, что они находятся в тени утесов.

— Что-то взбралось на скалы, — шепнула она. — Я слышала, как оно карабкается позади, когда спускалась.

— Нам придется рискнуть, — проворчал он.

— Я не боюсь — теперь, — вздохнула она.

— Ты не боялась и тогда, когда пришла освободить меня, — ответил он.

— Кром, ну и денек был! Никогда не слышал столько споров и воплей. Я чуть не оглох. Арат хотел отрезать мне голову, а Иванос не соглашался, чтобы разозлить Арата, которого он терпеть не может. Весь день они грызлись друг с другом, а команда быстро перепилась, и уже не могла голосовать ни за одного, ни за другого...

Он внезапно оборвал фразу и замер, подобный бронзовой статуе в лунном свете. Быстрым движением он опустил девушку на землю позади себя. Коснувшись ногами мягкой почвы, Оливия увидела то, что прервало речь Конана. И закричала.

Из тени утесов появилась чудовищная неуклюжая фигура — человекоподобный ужас, жуткое, карикатурное создание.

В целом очертания фигуры напоминали человеческие. Но лицо существа, явственно различимое в лунном свете, было звериным: близко посаженные глаза, вывернутые ноздри и огромная пасть с отвисшими губами, в которой сверкали белые клыки. Существо было покрыто косматой серой шерстью, в которой попадались белые пряди, блестящие серебром в сиянии луны. Его чудовищные уродливые лапы свисали почти до земли. Туловище зверя было невероятных размеров, а мощные нижние лапы — короткими. Ростом существо было выше человека, который стоял перед ним; размах его грудной клетки и плеч потрясал воображение, а гигантские верхние лапы напоминали узловатые стволы деревьев.

Освещенная луной картина закачалась перед глазами Оливии. Вот, значит, и конец их пути — ибо какое человеческое существо способно противостоять свирепой ярости этой волосатой горы мускулов? Но когда она перевела взгляд расширенных от ужаса глаз на бронзовую фигуру, стоящую лицом к лицу с чудовищем, она почувствовала, что в противниках есть нечто общее. Сходство это было пугающим. Противостояние Конана и человекоподобного существа было похоже не на борьбу человека и зверя, а на конфликт между двумя дикими созданиями, равно свирепыми и

беспощадными. Сверкнув белыми клыками, чудовище бросилось на противника.

Разведя в стороны могучие лапы, зверь ринулся вперед с ошеломляющей быстротой, поразительной для его массивной туши и коротких ног.

Действия Конана были столь стремительны, что Оливия не смогла уследить за ними. Она увидела только, что он каким-то образом избежал смертельной хватки, и его меч, сверкнув подобно белой молнии, отсек одну из чудовищных лап выше локтя. Кровь хлынула рекой. Отрубленная лапа упала на землю, жутко извиваясь. Но еще в момент удара вторая уродливая лапа ухватила Конана за волосы.

Только железные мускулы шеи спасли киммерийца — иначе его шея была бы сломана в тот же миг. Его левая рука уперлась в горло зверя, левое колено было притиснуто к волосатому животу твари. И началась ужасная схватка, которая длилась лишь несколько секунд, но эти секунды показались парализованной ужасом девушки часами.

Обезьяна мертвый хваткой вцепилась Конану в волосы, таща его к клыкам, сверкающим белизной в лунном свете. Киммериец сопротивлялся, не давая согнуть свою левую руку, тогда как меч в его правой руке ходил взад-вперед как мясницкий нож, снова и снова врезаясь в пах, живот и грудь противника. Зверь дрался в наводящем ужас молчании. Не было заметно, чтобы его ослабила потеря крови, струившейся ручьями из чудовищных ран. Невероятная сила обезьяны постепенно одерживала верх над железными мускулами Конана. Рука Конана неотвратимо сгибалась под давлением; противник подтаскивал его все ближе и ближе к чудовищной пасти, ощерившейся клыками, с которых капала слюна. Теперь сверкающие глаза варвара смотрели прямо в налитые кровью глазки обезьяны. Конан нанес противнику еще один удар мечом, и меч застрял в теле зверя. Напрасно варвар пытался его вытащить. В этот миг страшная пасть, которая скалилась всего в нескольких дюймах от лица Конана, судорожно захлопнулась. Варвар упал на землю, отброшенный чудовищем в предсмертных конвульсиях.

Оливия, почти теряя сознание, увидела, как обезьяна зашаталась, опустилась на землю, скорчилась и по-человечески ухватилась за рукоять меча, торчащую из ее тела. Еще одно чудовищное мгновение, затем по огромному туловищу прошла дрожь, и оно застыло.

Кона поднялся на ноги и захромал к мертвому врагу. Киммериец тяжело дышал и шел как человек, чьи мускулы и кости подверглись предельному испытанию на прочность. Он пощупал свою окровавленную

голову и выругался при виде длинных прядей черных волос, намокших от крови, которые были зажаты в волосатой лапе мертвого чудовища.

— Кром! — взревел он, хватая ртом воздух. — Я чувствую себя так, будто меня пытали! Я бы лучше сразился с дюжиной воинов. Еще немного, и он бы откусил мне голову. Будь он проклят, он вырвал у меня половину волос!

Взявшись за рукоять меча обеими руками, он с усилием вытащил оружие. Оливия подобралась поближе, взяла его за руку и широко открытыми глазами уставилась на распростертое на земле чудовище.

— Кто... кто это? — прошептала она.

— Серая человекообезьяна, — буркнул Конан. — Людоед. Они немые. Обитают в холмах на восточном берегу моря. Как эта добралась до острова, понятия не имею. Может быть, ее смыло с берега штормом и она приплыла на бревне.

— Это она бросила камень?

— Да. У меня появилось такое подозрение, когда мы стояли в чаще и я увидел склонившиеся книзу ветки у нас над головой. Эти твари всегда прячутся в самой чащобе и редко показываются оттуда. Не знаю, что привело ее на открытое место, но для нас это оказалось удачным. Среди деревьев я бы с ней не справился.

— Она шла за мной. — Оливия задрожала. — Я видела, как она карабкалась на скалы.

— Повинуясь инстинкту, тварь пряталась в тени утесов, вместо того, чтобы последовать за тобой через плато. Они обитают во мраке, в потаенных местах, и ненавидят солнце и луну.

— Как ты думаешь, здесь есть другие?

— Нет. Иначе бы они напали на пиратов, когда те шли через лес. Серая обезьяна осторожна, несмотря на свою страшную силу. Поэтому она и не решилась напасть на нас в чаще. Она, должно быть, очень уж хотела заполучить тебя, раз решилась атаковать на открытом месте. Что...

Он резко обернулся туда, откуда они пришли. Ночь разорвал жуткий крик. Он раздался из развалин.

За первым воплем последовала безумная мешанина визга, крика, завываний и стонов агонии. Хотя им сопутствовало лязганье стали, звуки походили скорее на шум кровавой бойни, нежели битвы.

Конан застыл на месте. Девушка прижалась к нему в безумном ужасе. Шум возвысился яростным крещендо. Киммериец повернулся и направился к краю плато, где темнели заросли деревьев. Ноги Оливии дрожали так сильно, что она не могла идти. Конан обернулся, подхватил ее

на руки и понес. Когда девушка снова оказалась в колыбели его могучих рук, сердце ее перестало колотиться так бешено.

Они шли по темному лесу, но густые тени больше не таили ужасов, а серебро лунных лучей не выхватывало из тьмы зловещих фигур. Ночные птицы сонно бормотали. Вопли кровавой резни затихли позади, расстояние приглушило их до неузнаваемости. Где-то крикнул попугай, точно сверхъестественное эхо: «Йахкулан йок тха, ксуххалла!» Они добрались до воды, к самому краю которой подступал лес, и увидели стоящую на якоре галеру, парус которой белел в лунном свете. Звезды уже начинали бледнеть, предвещая рассвет.

4

В призрачно-бледном свете предрассветного утра горстка окровавленных фигур в лохмотьях выбралась из леса на берег. Их было сорок четыре человека, запуганных и упавших духом. Задыхаясь от спешки, они вошли в воду и побрели вброд к галере. Грубый оклик с борта судна заставил их остановиться.

Силуэтом на фоне светлеющего неба они увидели Конана Киммерийца, стоящего на носу галеры с мечом в руке. Легкий ветерок развевал черную гриву его волос.

— Стоять! — приказал он. — Не подходите ближе. Что вам нужно, псы?

— Пусти нас на корабль! — крикнул волосатый пират, трогая пальцем кровоточащий обрубок уха. — Мы хотим убраться с этого дьявольского острова.

— Первому, кто попытается влезть на борт, я вышибу мозги, — пообещал Конан.

Их было сорок четыре против него одного, но преимущество было на его стороне. События этой ночи напрочь выбили из пиратов боевой дух.

— Позволь нам попасть на корабль, добрый Конан, — жалобно заскулил замориец, подпоясанный красным кушаком, боязливо оглядываясь через плечо на молчаливый лес. — Нас так покалечили, искусали, разодрали на части, мы так устали от драки и бегства, что ни один из нас не в силах поднять меч.

— Где этот пес Арат? — спросил Конан.

— Мертв, как и остальные! На нас напали дьяволы! Они набросились на нас и стали разрывать на куски, прежде чем мы успели проснуться. Дюжину хороших бойцов они растерзали во сне. Развалины были полны теней с горящими глазами, острыми клыками и когтями.

— О да, — вмешался другой пират. — Это были демоны острова, которые приняли вид статуй, чтобы обмануть нас. Иштар! Подумать только, мы устроились на ночлег среди них. Мы не трусы, мы сражались с ними так долго, как смертные могут сражаться с силами тьмы. Затем мы бросились бежать, оставив их терзать трупы, точно шакалы. Но они наверняка бросятся за нами в погоню.

— Да, да, пусти нас на борт! — вскричал тощий шемит. — Пусти нас миром, или нам придется сделать это с оружием в руках. Мы так измучены,

что ты наверняка убьешь многих, но тебе не удастся перебить всех нас.

— Тогда я пробью дыру в днище и потоплю корабль, — угрюмо ответил Конан. В ответ поднялся хор яростных возражений, который Конан заставил умолкнуть львиным рыком.

— Псы! С какой стати я должен помогать своим врагам? Пустить вас на борт, чтобы вы вырезали мне сердце?

— Нет, нет! — наперебой закричали они. — Мы твои друзья, Конан! Друзья и товарищи! Нам незачем ссориться между собой. Мы ненавидим короля Турана, но не друг друга.

Их взгляды впились в его темное хмурое лицо.

— Тогда, если я принадлежу к Братству, — проворчал он, — его законы распространяются на меня. И, раз я убил вашего главаря в честном поединке, я — ваш капитан!

Никто не возражал. Пираты были так истерзаны и напуганы, что единственным их желанием было поскорее убраться с этого жуткого острова. Конан поиском взглядел окровавленную фигуру коринфийца.

— Эй, Иванос! — крикнул он. — Ты уже однажды встал на мою сторону. Поддержишь ли ты меня сейчас?

— О да, клянусь Митрой! — пират, почувствовав, куда ветер дует, был рад оказаться поближе к Конану. — Он прав, парни. Он наш законный капитан!

Последовали одобрительные взглазы. Пиратам, может быть, недоставало энтузиазма, но в их голосах звучала неподдельная искренность, которую усиливало ощущение молчаливого леса позади, который мог таить чернокожих красноглазых дьяволов с окровавленными клыками.

— Поклянитесь на мечах, — потребовал Конан.

К нему протянулись сорок четыре рукояти мечей и сорок четыре голоса произнесли пиратскую клятву верности.

Конан ухмыльнулся и вложил в ножны меч.

— Поднимайтесь на борт, мои храбрецы, и беритесь за весла.

Он обернулся и поднял на ноги Оливию, которая пряталась за планширом.

— А что будет со мной, капитан? — спросила она.

— Чего бы ты хотела? — спросил он, внимательно глядя на нее.

— Я бы хотела пойти с тобой, куда бы ни лежал твой путь! — воскликнула она, обвивая белыми руками его бронзовую шею.

Пираты, перебирающиеся через борт, при виде девушки задохнулись от изумления.

— Даже если это путь кровавых сражений? — спросил он. — Этот корабль окрасит кровью синеву любых вод, куда бы он ни плыл.

— Да. Я готова плыть с тобой по любым морям, синим или красным, — горячо ответила она. — Ты варвар, а я вне закона, я отвергнута моим народом. Мы оба парии, мы бродяги на этой земле. Возьми меня с собой!

Порывисто рассмеявшись, он поднял ее к своим яростным губам.

— Я сделаю тебя королевой Синего Моря! Поднимайтесь якорь, псы! Мы еще подпалим штаны королю Йилдизу, клянусь Кромом!